

Сергей ШАКУРОВ:

Моск. правда. — 1996. —

25 дек. — с. 5

В кино я валял дурака

30 ЛЕТ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В декабре Сергей Шакуров решил отметить тридцатилетие своей творческой деятельности. Дата эта совпадает с его пятидесятилетием. А родился актер 1 января. Поэтому друзья и родные вначале поднимают тост за Новый год и новое счастье, а потом за Сергея Каюмовича — родного и любимого.

— Мои друзья напомнили мне, рассказывает вашему корреспонденту Сергей Шакуров, — что в 1967 году, то есть тридцать лет назад, я дебютировал на «Мосфильме» в картине «Я — солдат, мама» (Пегаров). А вот первая работа в театре была приблизительно в то же время — я сыграл в «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого роль Шута в Театре Советской Армии в постановке Л. Хейфеца. Работали вместе с Андреем Поповым. Грандиозный был спектакль для того времени.

Я решил спустя тридцать лет собрать друзей в кинотеатре «Художественный» — почему бы таким образом не совместить сразу два юбилея? Собрал тех, с кем работал, с кем общался эти годы и кого долго не видел. Всех, конечно, невозможно. Много было талантливых партнеров, умных режиссеров.

— А почему выбор пал именно на кинотеатр «Художественный»? Это не случайно?

— Конечно, я же вырос в арбатских переулках. Более того, я родился, можно сказать, в кинотеатре. Помню себя босым, в трусах, прорывающимся на сцену. Прятался за юбки женские. И, может быть, всего два раза не удалось проскочить. Я жил на Гоголевском, у подножия храма Христа Спасителя. А кинотеатр этот был практически единственным и доступным. Прыгнешь на трамвай-колбасу — и через несколько минут ты там. Впрочем, был еще один симпатичный кинотеатр на Арбате...

— Сергей Каюмович, вы упомянули талантливых актеров и умных режиссеров, с которыми работали. Кто из них оказал наибольшее влияние на ваше становление, как артиста?

— Основной толчок, как я сейчас понимаю, в том, что я поверил в себя, как в будущего артиста, дал Анатолий Васильевич Эфрос. Я учился в Театральном училище при ЦДТ и по ночам ходил к нему на репетиции. И первый комплимент по поводу первой своей работы в кино я услышал от него. Ему понравился парень, которого я сыграл.

Ну а потом мне просто повезло. Я встретился с Александром Борисовичем Столпером. Помните, «Парень из нашего города» и «Жди меня»? Он все пытался засунуть меня в режиссуру, утверждая, что у меня мозги подходящие для этого дела. Но я остался при своем.

Потом были и Андрон Кончаловский, и молодой Никита с картиной «Свой среди чужих...» Интересной была работа с Сергеем Соловьевым. С ним сделаны целых три картины. Алексей Николаевич Сахаров и другие. Мне везло. Они нуждались, видимо, во мне, а я — в них, поэтому сотворчество было возможно.

— Что наиболее ценным было в этих контактах для вас как для личности?

— Каждый из них учил меня чему-то своему и все вместе — умению трудиться. Трудиться непрерывно. А я доверял им и давал лепить из себя то, что они видели и хотели. Оставаясь, конечно, внутри самим собой.

— Что вам дала работа в театре? И что дала работа в кино?

— Вы знаете, чтобы сниматься в кино, нужно быть человеком подготовленным. Большой театральный опыт тут очень пригождается. У меня была шикарная школа. Именно поэтому, проблем с кинематографом не было. Я бы сказал, что в кино я валял дурака, а в театре была настоящая работа. Кино для меня — игра, театр — серьезный труд.

— У кого вы снимаетесь сейчас?

— Закончил съемки в «Тайне дворцовых переворотов» у Светланы Дружининой. Играл роль Александра Меншикова. Кажется, получилось. Так по крайней мере гово-

рят монтажеры, а я им верю. Вообще съемки проходили трудно. Деньги — то есть, то нет. То снимаем, то стоим. Вот, например, надо было снимать сцену купания Меншикова с голыми бабами в реке. Денег не было, а когда они осенью появились — уже в воду не полезешь. Поэтому перенесли удовольствие на следующее лето.

— Что бы вам хотелось сыграть в театре сегодня, исходя из имеющегося жизненного и театрального опыта?

— Я бы восстановил Сирано де Бержерака. Что бы в нем изменил по сравнению со старым вариантом? Интересный вопрос... Ну что-то бы обязательно изменил. Надо подумать.

А еще — мне очень близка русская классика. Я бы с удовольствием сыграл Ставрогина из «Бесов».

— Чем он вам интересен?

— Своей непредсказуемостью.

— Кстати, к вопросу о русской классике... В вашей творческой жизни как-нибудь проявляется конфликт поколений, «отцов и детей»? Я знаю, что вы собирались даже создавать свою творческую мастерскую?

— Вы затронули интересный вопрос... Хотя конфликта я не чувствую, но есть момент, который настораживает. Я смотрю на ребят, которые недавно окончили театральные вузы... То ли их очень быстро «пекут» и не очень профессионально, то ли... В общем, неглубокие они какие-то, поверхностные. Вероятно, это какая-то тенденция. Пооткрывались различные студии. И ребята, не овладев как следует ремеслом, играют очень серьезные роли. Классику. И это их развращает в конечном счете, губит. Потому что, не овладев до конца профессией, они начинают считать себя «звездами».

Есть что-то в этом от карликов. Ведь в основном они — сырые, мало что умеют, но претендуют на многое — побыстрее и подороже...

— А разве вы в молодости не мечтали играть серьезные роли,

классику? Может быть, с годами что-то забывается?

— Конечно, мы тоже хотели играть большие роли. Но я помню, какая в нас была ответственность. Как ходили по Тверской, мучались, искали... Именно за счет этой ответственности мы продвигались вперед.

— Ну а сейчас можно чему-то научиться у молодежи? Ведь они действительно совсем другие — они дышат по-другому, чувствуют, мыслят по-другому?

— Конечно, я их пытаюсь услышать. Есть еще школы — Вахтанговская например. Там остались те педагоги, которые сделали таких артистов, как Юру Богатырева или Наталью Гундареву. Но остальные школы... Я не знаю всей кухни, но подозреваю, что сегодня многие покупают места в театральных вузах. Обучают не только способных и талантливых...

А что касается режиссуры — я хочу хорошо делать свое дело. То, которое умею. В режиссуру, особенно в кинематограф, сегодня идут только камикадзе. Я знаю на

примере своих коллег — Трушкина, например, какое это нелегкое дело. И через день вызывать «скорую помощь», пить валидол или снимать по пять лет, как Герман, — увольте. Сколько сил, крови, нервов! Пусть этим занимаются молодые.

А вот собственную мастерскую сделать — была такая мысль. Я даже помещение нашел — в Ермоловском музее. Хотелось выпустить маленький курс, и не за пять лет, а за два. Но такой, чтобы каждый человек состоялся, как актер. А не так, как на моем курсе — из тридцати человек остался я один. А остальные — Бог знает где... Выпустить профессионалов, мощных, красивых. Но тогда этим надо заниматься — а профессия пока не дает уйти в педагогику. Но, может быть, все впереди. Вообще, я думаю, что все вершины у человека всегда впереди. Мы все ведь такие придурочные — сколько ни сделал, ощущение такое, что еще ничего не сделано.

Беседовала
Елена КУРБАНОВА.

